
Глава 1

День выдался прекрасный, солнечный, и портило его лишь одно: мужчина с ружьем, метавшийся по душным коридорам офисного здания.

Он проверял каждую дверь, попадавшуюся на пути. Врывался в те, что были открыты, но обычно никого там не находил — залы пустовали. А вот те кабинеты, в которых кто-то еще был, оказались предусмотрительно заперты. Весть о том, что в здание проник какой-то пьяный псих с ружьем, быстро распространилась по этажам. Все, кто успел сбежать, давно уже стояли на улице и снимали происходящее на мобильные телефоны. Те, кто сбежать никак не мог, заперлись, затаились, не говорили и старались не дышать. Многие плакали и вскрикивали, когда ручка двери в их кабинет начинала шумно дергаться.

Мужчина пока не пытался выбить створки — только это сохраняло хоть какое-то подобие безопасности. Все прекрасно знали: раздолбанные пластиковые двери и дешевые замки надолго его не задержат. И все предпочитали не думать об этом, потому что и так страшно до слез, до истерики, до сгрызенных ногтей.

Человек этот, ворвавшийся в самый обычный офисный день, не скрывал, что ему нужно, он с первых минут вопил:

— Где она? Где эта стерва? Выходи, тварь, и я тебе башку разнесу! Иди сюда! Что, не такая смелая уже?

Эти крики могли рассказать дрожащим от ужаса обитательницам офиса лишь одно: мужчина пьян. Больше они ничего не знали, потому что имя дамы, спровоцировавшей охоту, он так ни разу и не назвал. Из-за этого они наверняка думали, что какой-то ревнивый муж или покинутый любовник решил отомстить за разбитое сердце. Впрочем, такую ситуацию они нашли бы романтической лишь на страницах дамского романа. В реальности же, когда люди жались друг к другу под офисными столами, когда задыхались от слез, никто не собирался умиляться глубине любви и силе страсти.

Среди всех женщин, оставшихся в офисе, лишь одна знала, что причиной внезапного помешательства стала вовсе не роль отвергнутого Ромео. Знала эта женщина и то, что тварью, обреченной на смерть, мужчина назначил именно ее.

Так не должно было случиться, ничто не предвещало — не тот типаж. Тори ожидала, что он сначала попытается угрожать ей, потом затаскает по судам, а уже затем, проиграв и растратив последние копейки, отправится в запой. Он не должен был хвататься за ружье... а получилось вот как.

Она его сразу узнала — с первого же вопля. Послушала чуть-чуть, посмотрела на отчаянно дергающуюся ручку и открыла окно. Страха она почему-то не чувствовала и предпочитала даже не думать о нем. Сейчас без страха лучше, легче: руки не дрожат, можно действовать, не дожидаясь, пока дверь разнесет выстрел дробью. У него ведь

такое ружье, охотничье... Про ружье она как раз знала. Не представляла только, что до него дойдет дело.

Тори находилась в кабинете одна — статус начальницы это предполагал. Так что некому было ужасаться ее решению и убеждать ее, что она обязательно погибнет. Снаружи было по-прежнему холодно, солнце подтопило лед, но не убрало его полностью, оставшаяся корка стала еще более скользкой. О чем она только думает? Нужно спрятаться под стол и ждать спасения, как остальные!

Но Тори так не могла. Потому что чувствовала ответственность за случившееся — и потому что никто ее никогда не спасал. Так уж сложилось.

Тори достала из сумки кожаные перчатки, поспешно натянула их, а вот куртку оставила в шкафу: косуха сковывала движения. Открыв окно пошире, Тори осмотрелась и по-кошачьи ловко перепрыгнула на ближайшую трубу. Труба отозвалась низким гулом, разлетевшимся по вытянутому металлическому брюху, и чуть накренилась, но не более — не сорвалась и не собиралась даже. Скобы, удерживавшие ее, были новыми, осенью только поменяли. Тори об этом прекрасно помнила.

Кто-то внизу вскрикнул, от нее требовали быть осторожней и не рисковать понапрасну. Совет совершенно бесполезный, но в опасных ситуациях все почему-то так говорят: будь осторожна! Как будто она сама не знает, что спускаться со второго этажа по заледенелой трубе нужно осторожно. Как дети, честное слово.

Тори не сомневалась, что ее сейчас снимают не меньше десяти смартфонов. Ее это не волновало, она уже раздумывала над следующим шагом. Хотелось бы, чтобы проблема решилась без нее, однако вряд ли так будет. Капранов не до конца соображает, что делает, принял он знатно, но, увы, застыл на той тонкой грани, когда мозги уже не

работают, а тело скачет вполне бодро. В таком состоянии он может расстрелять какую-нибудь несчастную девчонку, которой не повезло быть похожей на Тори.

Когда она спустилась, ее продолжили снимать. Помочь никто не пытался, даже руку не подал, но все распрашивали, что же там происходит. Видимо, уже подсчитывали прибыль от той славы, что свалится на них после эксклюзивного интервью с женщиной-кошкой, чудом спасшейся от террориста.

Тори всех проигнорировала. Вместо того чтобы в слезах убежать подальше или жаловаться, как ей было страшно, она уверенно направилась ко входу в здание — из которого с таким трудом выбралась. Вот тут какой-то молодчик попытался ее задержать, но Тори умела настаивать на своем, и толпа настороженно шарахнулась. Вдалеке уже слышался вой полицейских сирен, так что продержаться ей нужно было совсем чуть-чуть.

Как она и ожидала, вся охрана офисного центра собралась на первом этаже. Несколько здоровенных детин в форме замерли у мониторов видеонаблюдения и напряженно следили, как пьяный толстяк с ружьем мечется по второму этажу. Отправиться на встречу с ним не рисковал никто, даже те, кому положено было его не пускать. Тори подозревала, что, если бы стрелок этот недоделанный двинулся вниз, охрану бы сдуло ветром секунды за три.

— Погеройствовать никто не хочет? — поинтересовалась она. Охранники, не ожидавшие, что кто-то появится у них за спиной, испуганно шарахнулись.

Тори невольно вспомнила, как многие из них флиртовали с ней и призывно поигрывали мышцами каждый раз, когда она проходила мимо. А оказалось вот как. Мышцы родом из тренажерного зала были похожи на восковые яблоки: выглядит так же, функционал другой.

— Вы что тут делаете? — опомнился один из охранников. — Вы как вообще?.. Вы почему? Бегите, тут опасно!

— Тут как раз не опасно, чего не скажешь о втором этаже, — возразила Тори. — Там сейчас одни девицы остались. А если бы и не девицы — никто из офисных мальчиков бы не пикнул, пиццать полагалось вам.

— Мы не можем вступать в схватку с террористом! — окрысился старший из охранников, в иные дни зачитывавшийся детективами про отважных героев-одиночек.

— Красиво завернули, — оценила Тори. — Только это не террорист. Его зовут Тимофей Капралов, пятьдесят два года. Ружье легальное, охотничье, может быть и не заряжено. Пятьдесят на пятьдесят. В любом случае он уже бухой и он далеко не ниндзя. Если вы мне поможете, обезвредить его будет не так уж сложно.

— Дамочка, вы в своем уме? Слышите? Полиция наша уже прискакала, это их работа! Скоро сами разберутся!

— Недостаточно скоро. — Тори кивнула на один из мониторов. Там было прекрасно видно, что Капралов устал накручивать ручки и теперь бьется плечом в пластиковую дверь. — Полиция будет тут минут через десять. Эти десять минут еще нужно выиграть.

— Слушай, красавица, ты кем себя возомнила? Ты соображаешь своей башкой...

Он еще что-то говорил, но Тори не слушала, она прикидывала, что делать дальше. Уже очевидно, что охрана ей не поможет, но и мешать не будет — они даже на это не решатся. Выбор за ней: идти или остаться.

Идти не хотелось, она прекрасно знала, что ружье может оказаться заряженным. Не умирать же сегодня, когда наконец солнце показалось, а на следующей неделе, говорят, совсем потеплеет... Не смотреть, как на стены, мимо которых она проходила сотни раз, брызжет ее кровь. Не

допускать, чтобы грязный пластиковый потолок стал последним, что она увидит в жизни. Вот что выбрать нужно — ожидание, безопасность, потому что нет ее вины в том, что где-то в недрах башки Капралова кукушка скончалась!

Тори подумала обо всем этом, оправдала собственное бездействие тем, что тут даже мужики дрожат, и выдала себе разрешение ничего не предпринимать. А потом направилась к лестнице, ведущей на второй этаж.

Но если она знала, куда идет, то Тимофей Капралов даже не думал об этом. Его мир стал узким, темным и каким-то двухмерным. Он не помнил, когда это началось и почему. Кажется, он пил... Он теперь не был уверен даже в этом. В голове шумело так, будто у него в черепе кружил ураган. Этот ураган путал мысли, рвал их, разносил в разные стороны, не давая ни на чем сосредоточиться.

Среди хаоса ясным оставалось лишь одно, одна цель, сияющая огненными буквами на фоне серого шторма: найти и отомстить. Потому что это она, та женщина, во всем виновата. Что бы там ни говорили ему менты с адвокатами, виновата она. Не он же! До того как она появилась, все годами шло хорошо. Но вот пришла она — и его мир рухнул в одночасье.

Он даже имя ее не помнил, оно тонуло в проклятом гуле и взрывах багровых вспышек прямо у него перед глазами. Ему казалось, что это не важно, это не такая уж большая проблема. Он требовал выдать ему двуличную тварь. Капралов считал, что этого определения достаточно: все вокруг должны знать, кто тут двуличная тварь!

Но помогать ему почему-то никто не спешил. С его пути шархались все, кто его видел, от самой парковки. Неподалеку кричали какие-то бабы, комнаты оказывались то

пусты, то заперты... Бесит! Почему мир просто не может быть таким, как надо?

А может, это вообще не его мир. Этот мир, корявый и двухмерный, принадлежит ей, вот почему никто ему не помогает. Если так, то все они виновны — в ее предательстве, в его разорении. Убивать их не только можно, но и нужно, он всему человечеству услугу окажет!

Этим Капралов и собирался заняться. Он направил ружье на ближайшую дверь, ничего уже не требуя и никого не предупреждая. Он прекрасно знал, что, если кабинетик маленький, кто-то может погибнуть после первого же выстрела. Плевать! Пусть судьба теперь решает. Если в мире осталась хоть какая-то справедливость, погибнет эта змея, никто больше не пострадает.

Капралов прицелился, а выстрелить не успел. Сквозь гул в его голове прорвался знакомый голос, в прошлом очаровывавший своей мелодичностью, а теперь похожий на змеиное шипение.

— Меня ищешь, Тимофей Иваныч?

Он обернулся так резко, что его повело в сторону, мир стал неустойчивым и как будто мягким, прогибающимся под ногами. Из-за этого Капралову сначала показалось, что перед ним стоят две твари, и непонятно было, в какую стрелять. Но потом мир снова остановился, твари слились, и это оказалась всего лишь она.

Когда-то давно, целую вечность назад, она показалась ему очень красивой. Настолько, что он почти сразу попросил ее задержаться в его кабинете, запустил ей руку под юбку — ну, как всегда. Как положено. Он же начальник! А она все с такой же чарующей улыбочкой ему пощечину отвесила и упорхнула.

Он тогда решил, что она просто набивает себе цену. Знает, насколько красива — он таких красивых еще не

видел! Вот и хочет продать себя подороже, а не раздвинуть ноги на диване в первый же рабочий день, как остальные. Он решил подыграть ей, он готов был торговаться. Ему казалось, что это даже забавно. Откуда же ему было знать, что она ведьма?

— Тебя! — Капралов уверенно направил на нее ружье. — Ненавижу!

— Это я уже поняла. А делать что станешь? Неужели убьешь меня?

Она была спокойна... Почему это она вдруг так спокойна? Капралов не того хотел. Он пришел сюда, чтобы она рыдала, чтобы лизала ему ботинки своим раздвоенным языком, чтобы умоляла его о пощаде. Но она не собиралась рыдать, она стояла посреди коридора, шагах в десяти от него, и уверенно смотрела ему в глаза.

Взгляд был странный. Кажется, он уже видел такой раньше, но не у нее, а у кого-то совершенно другого. Только вот гудящее сознание отказывалось давать ему доступ в собственную память. Это раздражало. Капралову казалось: если он вспомнит, кто на него раньше так смотрел, многое станет ясно.

— Убью, сука! Боишься?

— Боюсь, — кивнула она. — И умирать не хочу. Но я не думаю, что ты меня убьешь.

— Что?! Ты чего это такая борзая?

— Это не я борзая, это ты себя любить привык. Ты уже наломал дров, когда ворвался сюда, и отвечать за это придется. Но ты никого не убил и даже не ранил. Сажать тебя пока не за что, не допускай ошибку.

— Ты охренела?

— Уйди прямо сейчас, — настаивала она. — Я никому не скажу, что ты угрожал мне, отделаешься административкой.

— Пристрелю как собаку!

Крикнул ей — и вдруг вспомнил. Неожиданно, когда поверил, что память утонула где-то в багровом водовороте. Он такой взгляд у зверя видел — но не у собаки, у волка. На зимней охоте пару лет назад, всего один раз, когда они на вышке засели. Волк тогда близко подошел, как будто заметил охотников, и им нужно было стрелять... Но никто почему-то не выстрелил.

Сейчас было точно такое же чувство: как будто на него совсем уж непонятное существо смотрит, и от этого взгляда в весенний день врывается январская вьюга... Эта тварь заявила, что боится и не хочет умирать. Но почему она не выглядит напуганной? Где эти проклятые слезы?

Он не мог это выносить — ни волчий взгляд, ни ее спокойствие. Капралову захотелось доказать и себе, и всему миру, что это всего лишь продажная девка, точно такая же, как все. Он не выстрелил, он рванулся к ней, ударил наотмашь по лицу прикладом. Получилось не так сильно, как он хотел, руки казались непривычно слабыми и почему-то дрожали. Но и этого удара оказалось достаточно, чтобы она повалилась на пол, а на светлые стены брызнула кровь.

Она упала, но сознание не потеряла — и опять не заплакала, ведьма проклятая! Она почти сразу посмотрела на него, и Капралов увидел, что рассек ей кожу на скуле. Кровь у нее была обычная, красная. А глаза все равно волчьими.

Это позволяло ему убить ее без жалости, уже не человека — чудовище, притворившееся человеком. Он просто не успел. Он слишком много времени потратил на проверку, позволил себе отвлечься, и стало слишком поздно. Какие-то люди навалились на него со всех сторон, прижали к грязному полу, надавили на спину. Орала что-то,

ударили пару раз. Он пытался объяснить им, какую ошибку они допускают, но они не слушали. Когда живая стена расступилась и Капралова рывком подняли на ноги, было уже слишком поздно: существо с идеальным лицом и волчьими глазами исчезло.

За тем, как Капралова уводят, а потом увозят, Тори наблюдала из «Скорой помощи». Она считала медицинское вмешательство лишним, но врачи настояли. Она думала, что хватит быстрой перевязки, но ее в итоге утащили в больницу — накладывать швы и проверять, не получила ли она бонусом сотрясение мозга.

Сотрясения не было, и из больницы Тори удрала в тот же день. Внутри поселилась непривычная пустота, появившаяся в тот момент, когда Капралов направил на Тори ружье. Она ведь знала, что он может ее убить, а она должна бояться... Почему же не боялась? Медики сказали, что у нее шок, и рекомендовали остаться под наблюдением. Тори заявила, что никакого шока у нее нет, и в тот момент она даже себе верила. Она бы знала, если бы поддалась шоку, правда?

О том, что у нее выключен телефон, она почему-то вспомнила только вечером, уже в своей квартире. За это Тори тут же была наказана — сотнями сообщений от друзей и коллег, десятками пропущенных звонков. По хорошему, ответить следовало всем, однако на это не осталось сил. В теплой кухне Тори почему-то стало так холодно, как не было на покрытой льдом трубе — до сведенных мышц, до клацающих зубов. Хотелось забраться в горячую ванну и спрятаться там ото всех, но ее внутренний взрослый победил, заставив ее перезвонить Николаю. Совесть согласилась с тем, что этого разговора будет достаточно, а все остальные подождут до завтра.

Вот только Николай не желал упрощать ей жизнь и делать беседу по возможности короткой. Первые пятнадцать минут он просто орал на нее, а Тори почти не слушала, она отыскала в шкафу плед и завернулась в него, как в плюшевый кокон, однако холод по-прежнему не отпустил.

Утомившись от собственной речи, Николай наконец спросил:

— Как ты вообще связалась с этим психом? Чем ты только думала?

— А он и не псих, — отозвалась Тори. — Подозреваю, протрезвев, он поймет, какие проблемы огреб на ровном месте, и задницу себе откусит. Он был обычным клиентом, и ничего противозаконного я не делала.

Противозаконное делал как раз он. Задача Тори была проста: ей требовалось устроиться на работу и выяснить слабые места компании Капралова. Она давно уже жила этим — аналитикой, граничащей с промышленным шпионажем. Впрочем, если бы у объекта ее внимания не нашлось никаких прегрешений, выполнить задание Тори было бы очень непросто — такое уже случалось.

Однако контора Капралова в юридическом смысле оказалась построена из соплей и палок. Он жульничал везде, где только получалось, и секрет его успеха таился в том, чтобы вовремя приплачивать аудиторам и прочим «нужным человечкам». Однако Тори уже заплатили совсем другие люди, и ей достаточно было указать на все прегрешения Капралова, которые копились годами, — нисколько не мучаясь угрызениями совести. Его девиз по жизни был прост: «В этой стране все воруют, а я что — хуже?».

Но с его мнением не согласились ни налоговая, ни прокурор. Фирма Капралова унылым бульжником отправи-

лась ко дну, Тори получила вознаграждение от его конкурентов, которые ее и наняли, и посчитала историю законченной. Она не ожидала, что Капралов узнает о той роли, которую она сыграла в его судьбе, — или что он придет мстить. Неприятно получилось. Но от такого никто не застрахован.

Вот только Николай считал иначе:

— Ты его спровоцировала!

— На что, на алкозабеги с ружьем?

— Ты его предала!

— Уж не знаю, из какого места ты вытянул рыцарский плащ, но засунь его обратно, — посоветовала Тори. — Я устроилась к нему на работу вполне легально и даже не сломала ему руку, когда эта самая рука ломанулась ко мне под юбку. Работала я тоже честно. Ну а то, что я увидела нарушения закона и сообщила, куда следует... Так это называется гражданский долг.

— Хочешь сказать, что, если бы этот твой Капралов не нарушал, ты бы его не подставила?

— А я никого не подставляю, представь себе. Не из благородства, слишком ненадежная стратегия просто. Если бы Капралов работал без нарушений, я бы составила для его конкурентов стратегию, которая позволила бы обыграть его другими путями. Но он значительно упростил мне задачу.

— Тебе совсем не жаль? — поразился Николай. — Он же мог убить тебя! Убить, Вика! Ты сейчас во всех новостях! И что это за игры с трубами? Ты куда вообще полезла?

— Что-то мне подсказывает, что тебя сейчас ни один ответ не устроит. Ты не мог бы как-нибудь сам поорать в зеркало, а я в душ пойду?

— Эгоисткой была — эгоисткой и останешься, — заключил Николай. — Ты совершенно не думаешь о других! А если эти репортажи увидит Зоя? Что будет с ней?

— Припадок, может быть. Но не из-за того, что я могла умереть, а из-за того, что не умерла.

— Ты совершенно невыносима, ты знаешь об этом?

— Давай вернемся к той реальности, в которой ты не звонишь мне еще месяц, а?

Не дожидаясь его ответа, Тори отключила телефон. Ей все еще было холодно, пустота не отпускала, мысли переваливались тяжело и медленно — но уже появилось предчувствие, что сейчас что-то будет. Кульминация, финал этого проклятого дня. То, что должно было прийти в грязном офисном коридоре перед ружьем, а придет здесь и сейчас.

Она не знала, что именно. Она просто забралась в ванну, больше не пытаясь сдержать дрожь. А потом вместе с водой вдруг хлынули слезы, отчаянные, с рвущими грудь изнутри рыданиями, болезненные, и она поняла, что вот это оно. Конец онемения. Сейчас будет плохо, но все-таки пройдет, а завтра станет легче, потому что этот день закончится.

Она могла умереть сегодня. Вдруг, без причины, могла, не единожды! Но каким-то чудом справилась — и будет жить дальше.

Глава 2

Лев Градов до последнего не был уверен, что это такая уж хорошая идея: переспать с невестой своего брата. Но, еще раз взвесив все аргументы, он решил, что так будет лучше. Во-первых, это покажет Роману, какой нелепый выбор он чуть не сделал. Во-вторых, даст Льву возможность добиться того, что ему нужно. Ну а в-третьих, секс с красивой женщиной в особых причинах и не нуждается.

В том, что Алла согласится, Лев даже не сомневался, загвоздка была вообще не в ней. Когда он принял решение, все оказалось до смешного просто — как он и ожидал. Он ведь с их первой встречи заметил, что возлюбленная брата бросает на него заинтересованные взгляды. С тех пор она оказывалась рядом с ним, стоило им хоть где-то пересечься. За рамки приличия не выходила, но намеки делать умела. Сначала Льву это было попросту неинтересно, а теперь вот пригодилось.

Это не значит, что она потащила его в постель, едва он зашел в гости. Алла даже попробовала поскромничать для приличия, но у Льва на это не было времени: для начала он хотел все успеть в отсутствие Романа, в некотором смысле — потренироваться. Поэтому Лев сделал вид, что уважает скромность потенциальной родственницы. Когда